

DOI: 10.31857/S013038640028927-7

© 2023 г. А.Б. ЛАРИН

«ЗАПИСКА» КОНСУЛА В БАСРЕ К.В. ИВАНОВА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ОБ ИЗУЧЕНИИ ВОСТОКА В РОССИЙСКОМ МИД НАЧАЛА XX века*Ларин Андрей Борисович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).**E-mail: ab-larin@mail.ru**Scopus Author ID: 57211600477; ORCID: 0000-0003-4932-3997; Researcher ID: Q-5730-2017*

Аннотация. Вопросы накопления, упорядочения, систематизации и практической имплементации колониального знания, «знания о Востоке» стояли на повестке дня перед различными ведомствами Российской империи, вырабатывавшими собственные пути их разрешения. Существенные усилия в этом направлении были предприняты военными кругами, однако и в Министерстве иностранных дел хорошо осознавали данную задачу, что видно из осуществленного накануне и в годы Первой мировой войны издания двух выпусков «Материалов по изучению Востока», содержавших не только фактографические работы, но и рефлексию чинов МИД над данной проблемой. Она нашла свое отражение в редакционных предисловиях и в особенности в программной работе консула К.В. Иванова, содержащей развернутую программу конкретных мероприятий, направленных на обеспечение прочной связи знания и власти, обеспечения реализации политических интересов России в регионах Ближнего и Среднего Востока. С точки зрения консула Иванова, правильная постановка задачи по сбору сведений о регионе, согласование деятельности различных российских институтов и учреждений, обеспечение должной роли консульств (которым он придавал первостепенное значение в решении данной задачи) позволили бы, во-первых, сделать политику России более целесообразной, а во-вторых, добиваться решения поставленных задач меньшими силами с «использованием местных условий». Существенное значение придавалось необходимости восприятия удачных практик российского военного министерства, а также британского опыта деятельности в регионе. «Записка» Иванова представляет собой интересный и яркий образец размышлений сотрудника МИД по поводу проблемы усовершенствования подходов к решению политических задач государства. Документ этот выдержан в духе ориенталистского дискурса, подразумевающего идеи неравенства, превосходства, необходимости обладания экспертным знанием для управления и доминирования, переустройства и обустройства европейских регионов в интересах господствующей державы.

Ключевые слова: Россия, Российская империя, внешняя политика, Ближний Восток, Средний Восток, востоковедение, дипломатические документы, Министерство иностранных дел, К.В. Иванов, В.Ф. Минорский, колониализм, ориентализм.

A.B. Larin**The “Note” of the Consul in Basra Konstantin Ivanov: Addressing the Question of the Study of the East in the Russian Foreign Ministry of the Early Twentieth Century***Andrey Larin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: ab-larin@mail.ru**Scopus Author ID: 57211600477; ORCID: 0000-0003-4932-3997; Researcher ID: Q-5730-2017*

Abstract. The issues of accumulation, ordering, systematisation, and practical implementation of colonial knowledge, “knowledge about the Orient” were on the agenda of various departments of the Russian Empire, which developed their own ways of solving them. Considerable efforts in this direction were made by military circles, however, the Ministry of Foreign Affairs was well aware of this task, as evidenced by the publication of two issues of “Materials for the studies of the East”, carried out on the eve and during the Great War, which contained not only factual works, but also reflections of the Foreign Ministry officials on this problem. This was reflected in the editorial prefaces and especially in the position paper by Consul Konstantin Ivanov, who believed that proper organisation of information collection about the region, reciprocal coordination of the activities of various Russian institutions, and provision for the proper role of the consulates would, firstly, make Russian policy more expedient, and secondly, achieve the tasks set with less effort, since in his terminology this sounded like “using local conditions”. Ivanov’s “Note” is an interesting and vivid example of the reflection of an agent of the Empire’s foreign policy on the problem of optimizing approaches to solving political problems of the state, compiled in the spirit of orientalist discourse, implicitly assuming the ideas of inequality, superiority, the need to possess expert knowledge for governance and domination, reconstruction and arrangement of non-European regions in the interests of the dominant power.

Keywords: Near East, Middle East, Oriental studies, “Materials for the studies of the East”, Konstantin Ivanov, Vladimir Minorsky, colonialism, orientalism.

Исследование вопросов аккумуляции знания о Востоке, как и применения его в реальной административно-политической практике европейских держав в рамках осуществления власти над Востоком, продолжает оставаться перспективной темой научных исследований. Новый взгляд на проблемы империализма, колониализма, распространения власти Запада над Востоком в последние столетия, взаимосвязи власти и знания, предложенный Э. Саидом в его известной работе «Ориентализм»¹, придал мощный импульс исследованиям в данном направлении². Ориенталистский дискурс, стиль мышления и способы сбора информации о Востоке, ее осмысления и репрезентации, позволяющие осуществлять господство и управление, служили важным инструментом европейской гегемонии. Исследование роли получения информации и создания на ее основе системы знаний в имперской экспансии представляется необходимым условием изучения европейских империй Нового времени³. При этом нужно учитывать, что сложившаяся тогда сложная макросистема империй подразумевала непрестанные многоуровневые взаимодействия между ними по различным вопросам, включая многочисленные межимперские трансферы знаний, практик, опыта (квази)колониальной политики и проч.⁴ В этом смысле изучение истории отдельного европейского государства, в частности Российской империи, невозможно представить в отрыве от общего контекста, без видения взаимосвязей и обменов, прямых и косвенных, с другими империями. Российский имперский

¹ Said E.W. *Orientalism*. New York, 1978; российское издание: Саид Э.В. *Ориентализм*. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

² О течениях и подходах в современной историографии см.: Мирзеханов В.С. Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Специальный выпуск. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (дата обращения: 27.03.2023).

³ См., например: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / ред. кол.: А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шаститко. М., 1997; Толыц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013; Мирзеханов В.С. XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19; Полянская О.Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А.М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Ученые записки ЗабГУ. 2016. Т. 11. № 6. С. 143–148; Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018; Дыбовский А.С. Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920) и практическое востоковедение в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 4/2. С. 83–105.

⁴ Среди важнейших изданий на русском языке см.: *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010.

проект отличался своей спецификой и своеобразием, в частности колоссальной географической протяженностью в рамках Евразии, зачастую без отчетливых естественных границ, что предполагало особый стиль экспансии, администрирования присоединенных территорий, взаимодействия с присоединяемыми народами⁵.

Расширение территории России в Новое время, инкорпорация в состав империи различных народов, в том числе неевропейских, сопровождались накоплением знаний о Востоке, что позволяло описать и объяснить включаемые сообщества, их традиции и обычаи, репрезентировать их для образованной публики, а одновременно предоставить инструменты контроля и влияния, осуществления власти, доминирования над ними. Многообразные формы бытования такого архива ориенталистского знания — отчеты, записки, дипломатическая корреспонденция, исторические, этнографические, географические сочинения, травелоги, мемуары и др. — являли собой сложный конгломерат сведений, исполненный внутренних референций и переплетений, глубоко связанный с общеевропейскими культурными детерминантами эпохи и задававший стиль мышления, общие контуры ориенталистского дискурса.

Решение практических задач государственного управления, осуществления как внутреннего администрирования, так и внешней политики (причем на территориях фронта первое порой было сложно отделить от второго), желание улучшения и унификации, институционализации различных имперских практик ставили задачу упорядочения накопленных знаний о Востоке, являвшихся собой огромный массив разнородной информации, частью опубликованной, частью хранившейся в различных ведомствах, частью существовавшей в виде *common knowledge*. При этом проблема обеспечения более прямой и ясной связи между имеющимся колониальным знанием и решением практических задач осознавалась имперскими администраторами, пытавшимися найти те или иные варианты ее решения. Значимым вкладом стала продолжающаяся публикация Главного штаба, посвященная широкому кругу вопросов, связанных со странами и народами Востока: «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», выпуски которого выходили с 1882 по 1914 г.⁶ Как говорилось во введении к изданию, целью этой масштабной публикации было «облегчить изучение и дальнейшее исследование наших азиатских окраин, а в особенности Китая, Японии, Персии, Азиатской Турции, Афганистана, Бухары, Хивы и проч.»⁷.

Нужно сказать, что эта публикация предполагала межведомственное взаимодействие, сотрудничество с представителями Министерства иностранных дел, привлечение различных авторов для решения общей задачи. Так, отмечалось, что в публикуемые выпуски будет полезно включать не только работы офицеров Генштаба и чинов военного ведомства, но и статистические труды дипломатических и гражданских агентов. «Только при этом условии можно надеяться собрать в несколько лет и постепенно издать достаточно полные сведения о наших азиатских владениях и соседях, в чем ощущается настоятельная надобность». При этом «Сборник» не предназначался для широкой публики, а «исключительно для *служебного* пользования высшего начальства, а также лиц, служащих в Азии или специально занимающихся ею». Составители от лица Главного штаба призывали содействовать пополнению и разработке материалов по Азии⁸. Эта публикация хорошо известна исследователям и активно используется при разработке самых различных тем.

Вопросы аккумуляции, упорядочения и систематизации «знания о Востоке» находились и в поле зрения сотрудников внешнеполитического ведомства, предлагавших собственные варианты их разрешения. Заслуживает внимания предпринятое Министерством

⁵ Об окраинной политике России см., например: Западные окраины Российской империи. М., 2006; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008; Кушко А., Таки В. (при участии Грома О.) Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., 2012.

⁶ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1882–1914.

⁷ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 2. СПб., 1883. Введение (без пагинации).

⁸ Там же.

иностранных дел издание «Материалы по изучению Востока», два выпуска которых были опубликованы в военной типографии в 1909 и 1915 гг. под грифом «секретно»⁹. Задуманное как продолжающееся, это издание прекратилось после революционных событий 1917 г. Помимо содержащихся в них интересных фактических данных, «Материалы» представляют собой пример практической рефлексии сотрудников МИД над вопросами улучшения сбора и применения колониального знания. Весьма важные положения содержатся в редакционных введениях к обоим выпускам, содержащих изложение задачи нового издания, которое должно стать значимым элементом общей системной работы по налаживанию более прочной связи между собираемым знанием и его применением на практике.

Среди опубликованных материалов особое место занимает вышедшая в выпуске 1909 г. работа консула в Басре К.В. Иванова¹⁰ «Записка по вопросу об организации изучения Ближнего Востока (по поводу отчета В.Ф. Минорского о поездке в Макинское ханство)»¹¹. Значение этой программной статьи отмечено уже во введении к выпуску. Его автор И.А. Персиани подчеркивает, что эта работа затрагивает одну из наиболее существенных сторон «нашего дела на Востоке», а именно необходимость «взаимного согласования деятельности наших установлений на Востоке». Он отмечает, что «рациональная постановка этой деятельности и систематическое согласование ее могут, безусловно, лишь принести пользу, и именно с этой точки зрения было бы очень желательно обратить особенное внимание на записку названного автора». При этом Персиани специально оговаривает, что речь не идет о тех или иных конкретных тезисах, высказанных Ивановым, часть из которых может быть подвергнута сомнению, а о самом факте постановки «в высшей степени серьезного, имеющего основное значение вопроса»¹².

Непосредственным поводом к появлению «Записки» консула К.В. Иванова стал опубликованный в том же выпуске «Отчет о поездке в Макинское ханство» в 1905 г. драгомана генконсульства в Иранском Азербайджане В.Ф. Минорского (впоследствии известного востоковеда и дипломата), в котором тот пишет о необходимости назначения постоянного агента в Маку¹³. Иванов всецело разделяет это мнение, ссылаясь на необходимость обеспечения безопасности российских территорий в Закавказье (Эриванская губерния) от разбоев, чинимых бандами, прежде всего из числа местных курдских родов. При этом он настаивает на назначении именно постоянного представителя, поскольку только такой агент может обладать всей необходимой информацией, в частности: в каких отношениях находятся курдские роды и их беки между собой и с прочим населением; каково отношение к ним представителей местной власти; где расположены их кочевки и

⁹ Материалы по изучению Востока. Вып. 1. СПб., 1909; Материалы по изучению Востока. Вып. 2. Петроград, 1915.

¹⁰ Иванов, Константин Васильевич (1869 — не ранее 1928) — русский дипломат. Окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета с дипломом 1-й ст. С 7 марта по 25 августа 1894 г. — канцелярский служащий в Санкт-Петербургской контрольной палате. С 1 сентября 1894 г. — на службе по ведомству МИД. 20 марта 1896 г. назначен студентом Миссии в Тегеране. С 5 июля 1897 г. — драгоман генерального консульства в Мешхеде. С 6 ноября 1898 г. — секретарь и драгоман консульства в Астрабаде, с 19 ноября 1899 г. — секретарь и драгоман Политического агентства в Бухаре. 20 марта 1902 г. назначен секретарем генерального консульства в Табризе, 27 сентября 1903 г. — секретарем и драгоманом генерального консульства в Эрзеруме. С 22 января 1904 г. — вице-консул в Баязиде. 8 ноября 1905 г. назначен консулом в Басре. С конца 1909 по 1915 г. служит консулом в Астрабаде, где активно содействует развитию российского землевладения и крестьянского переселенчества в регион. 3 августа 1915 г. назначен генеральным консулом в Бушире. Уволен от должности 10 октября 1916 г. с назначением состоять в ведомстве МИД. См.: *Генис В.* Вице-консул Введенский: служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М., 2003. С. 241–242.

¹¹ Иванов К.В. Записка по вопросу об организации изучения Ближнего Востока (по поводу отчета В.Ф. Минорского о поездке в Макинское ханство) // Материалы по изучению Востока. Вып. 1. СПб., 1909. С. 63–118. Далее ссылки на «Записку» даются в тексте.

¹² Материалы по изучению Востока. Вып. 1. С. IV.

¹³ Минорский В.Ф. Отчет о поездке в Макинское ханство // Материалы по изучению Востока. Вып. 1. С. 1–62.

зимовки; кто из местных жителей занимается скупкой награбленного, и т.п., т.е. знать обо «всех тех мелких обстоятельствах, которые только и могут служить путеводною нитью при розысках грабителей и основанием для настояний у местных властей» (с. 64).

Причем Иванов подчеркивает, что значимость борьбы с грабежами следует не только из того прямого материального ущерба, который они наносят населению российского Закавказья, но и в силу того влияния, «какое эти грабежи имеют, парализуя предприимчивость населения, поддерживая подозрительность и неприязнь между входящими в него народностями и вообще препятствуя мирному преуспеянию края, столь важному не только для самого края, но и для установления и упрочения нашего экономического и политического влияния на Персию и Курдистан» (с. 64–65). Итак, значение присутствия российского агента в Макинском ханстве двояко: с одной стороны, это позволит решать непосредственные вопросы обеспечения безопасности российско-ирано-турецкого пограничья; с другой – поддержание престижа Российской империи¹⁴ и распространение ее влияния на сопредельные страны. Консул разбирает вопросы служебного подчинения агента в Маку, его именовании, финансовую сторону дела, требований, предъявляемых к кандидату на должность, и т.п., уделяя внимание различным аспектам.

Впрочем, помимо непосредственных соображений о необходимости назначения постоянного агента в Маку, отчет Минорского дал возможность консулу Иванову открыть обсуждение гораздо более широкого круга вопросов, связанных с политикой Российской империи в регионе Ближнего и Среднего Востока. Рассуждая от противного, консул отмечает, что отчет Минорского впервые предоставляет достаточно подробные сведения о граничившем с Россией ханстве, что показывает крайне плохую осведомленность даже о тех областях региона, которые уже в силу географического положения должны входить в сферу исключительного экономического и политического влияния России и «должны бы быть изучены нами ради правильной постановки нашей деятельности как на самом Ближнем Востоке¹⁵, так и в примыкающих к его границе наших окраинах» (с. 67).

Консул обращает внимание на то, что сведения о странах и регионах, известных ему из личного опыта (а именно о Персии, Афганистане, восточной Турции), скудны, разрозненны и лишены связи друг с другом. Выходящие из печати сочинения написаны либо военными, либо случайными путешественниками, соответственно, либо слишком специфичны, либо поверхностны. Донесения консулов (помимо торгово-экономических) не публикуются и не реферируются, не позволяя ни дополнить или скорректировать друг друга, ни послужить делу систематического изучения стран региона. Итак, Иванов формулирует ключевые вопросы своей работы: «В чем заключаются причины, препятствующие надлежащей постановке в консульствах дела систематического изучения стран Ближнего Востока, и каким образом можно было бы их устранить, усиленно выяснив при этом всю важность и возможность этого дела в связи с необходимостью правильной постановки всей нашей деятельности на Ближнем Востоке?» (с. 68).

Цель же своей работы Иванов обозначил так: «Выяснить необходимость скорейших преобразований в деятельности консульств в том смысле, чтобы дело изучения рассматриваемых стран Ближнего Востока было ведено систематически и поставлено на такую высоту, чтобы оно могло дать нам не только знание всех условий жизни Ближнего Востока, но и

¹⁴ См. об этом: Ларин А.Б. «Русское имя» и «русский престиж» как категории восприятия и осмысления российской политики в Иране в XIX – начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 4 (114). URL: <https://history.jes.ru/s207987840021056-0-1/> (дата обращения: 27.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840021056-0; его же. «В интересах наших подданных и нашего достоинства»: поддержание статуса «русского имени» в Персии в трактовках российских современников (1830–1910-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6 (116). <https://history.jes.ru/s207987840021876-2-1/> (дата обращения: 27.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840021876-2

¹⁵ Под Ближним Востоком Иванов подразумевает, используя современную терминологию, Ближний и Средний Восток.

умение пользоваться таковыми» (с. 69). Таким образом, знание местных условий обеспечит целесообразность деятельности России в регионе, а, в свою очередь, умение пользоваться этими условиями послужит «сбережению народных сил и средств». Автор специально отмечает, что Россия в своей деятельности в регионе зачастую пренебрегала теми средствами, возможностями, которые предоставляют сами по себе условия жизни Востока и основывала свои действия «лишь на военной силе и том престиже, который создавали ей ее завоевания, неуклонное движение вперед, в глубь Азии». Отдавая должное преимуществам подобного *modus operandi*, он предостерегает о его опасностях: подобный способ действий хорош до тех пор, пока престиж России высок, стоит ему пасть, рухнет и все основанное на нем (с. 69).

Консул отмечает при этом, что Ближний и Средний Восток представляет собой исключительно благоприятное место для подобного способа действия, применения в повседневной политической практике умения пользоваться местными условиями. Для обоснования своего тезиса он приводит избыточную ориенталистскими клише характеристику особенностей политического строя стран Востока, обращается к истории Афганистана, Персии, Османской империи, показывает, что и в современной жизни этих государств мало что изменилось по сравнению с предшествующими столетиями, а их правительства, искусно применяя принцип *divide et impera*, успешно управляются со своими обширными разнородными и разнплеменными владениями, несмотря на их слабость, неэффективность и коррумпированность (с. 69–76). Последние обстоятельства, также религиозная рознь шиитов и суннитов, межэтнические противоречия и другие факторы создают все возможности для использования местных условий. Все это именно то, что подразумевал Э. Саид, говоря о том, что ориентализм есть западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком¹⁶. В этом смысле «Записка» Иванова представляет собой весьма яркий и характерный образчик ориенталистского письма, причем инструментального характера, направленный именно на обеспечение задач управления через оперирование знаниями.

Переходя к практическим вопросам и предложениям, консул Иванов отмечает, что в последние два-три десятилетия российское правительство существенно активизировало собственную деятельность в регионе, в особенности в Персии. Он перечисляет хорошо известные меры экономического и политического характера, предпринятые со стороны России для укрепления влияния в этой стране, и делает вывод, что все это вместе взятое «должно было бы сделать из Персии орудие для служения нашим интересам» (с. 80). Такая риторика вполне соответствовала общей позиции министерства. Еще в 1904 г. его глава В.Н. Ламздорф писал новому посланнику в Тегеране А.Н. Шпейеру: «Главная цель, которая преследовалась нами в зависимости от исторических условий, различными путями и средствами в течение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя»¹⁷. Но, по мнению Иванова, все эти многочисленные мероприятия, требующие существенных расходов, для своего успеха нуждаются в правильной организации работы тех органов, от которых зависит их реализация, а именно: консульств, представителей военного, телеграфного ведомств, Учетно-судного банка, приграничных властей. При этом деятельность всех перечисленных агентов российского правительства должна быть направлена и согласована.

Иванов предлагает обширную развернутую программу по накоплению колониального знания и его использованию, отмечая существующие проблемы и предлагая пути их решения. Ключевая роль в этом должна принадлежать консульствам, приоритеты работы

¹⁶ Саид Э.В. Указ. соч. С. 10.

¹⁷ Инструкция МИД А.Н. Шпейеру, назначенному российским посланником в Тегеране // Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / сост. И.С. Рыбаченок. М., 2004. С. 360.

которых требуется подвергнуть пересмотру. Главную проблему он усматривает в том, что для существующих российских консульств политическая деятельность отошла на второй план, уступив место работе по покровительству российским подданным, разбору их многочисленных тяжб, заботе о торговых интересах и наблюдению за действиями местных властей. При этом «почти совершенно отсутствует стремление к изучению вверенных их наблюдению округов во всех отношениях, каковое выразилось бы в систематическом сборе всевозможных сведений и статистических данных о местном населении и условиях его жизни и оценке таковых с точки зрения русских интересов». В свою очередь, все это «дало бы в конце концов нашему правительству полную осведомленность о всех условиях жизни рассматриваемых стран, а с ним и возможность использовать последние в своих интересах» (с. 81).

Консул подвергает анализу различные стороны деятельности российского правительства в регионе Ближнего и Среднего Востока, высказывая собственные соображения на тот или иной счет. Например, затрагивая вопросы торгово-экономической деятельности, Иванов отмечает, что таковая должна быть полностью подчинена политическим интересам (с. 86–87). Существенное внимание уделяется политической этнографии, в частности курдскому и армянскому вопросам. Характерно его резюме: «Только дружная, согласованная общей программой работа всех названных консульств может определить истинные размеры и значение курдского, а с ним и армянского вопросов и установить с желаемой точностью, которая из этих двух национальностей более пригодна для служения нашим интересам и, в частности, есть ли среди курдов стремление к автономии, можно ли им вдохнуть мысль о их расовом отличии от турок и сделать из Курдистана опорную точку для нашего влияния. А в этих же сведениях мы могли бы почерпнуть руководящие начала для надлежащего отношения и к собственным армянам и курдам» (с. 91). Показательно, что несколько лет спустя, уже во время войны, выходит посвященная курдам работа В.Ф. Минорского, заключительная часть которой содержит интересные рассуждения о практической имплементации политической этнографии в отношении курдского вопроса, в том числе и применительно к курдам, жившим в России¹⁸.

Здесь наглядно проявляется насущная, по мнению Иванова, необходимость выстраивать сопряжение между накоплением этнографического знания и его использованием в практической деятельности: при решении внешнеполитических задач Империи в Турции и Персии, обеспечении безопасности, проведении окраинной политики и т.п. В первую очередь, как подчеркивает консул в своем тексте, систематическое накопление знаний консульствами о своих округах позволит обеспечить целесообразность политики России в регионе. Возвращаясь в завершение своей работы к записке Минорского, в которой тот отмечал необходимость обеспечить целостность Иранского Азербайджана от посягательств Османской империи, а также укрепить власть тегеранского правительства в Макинском ханстве, Иванов подверг сомнению эти соображения. «Между тем по ходу дел может оказаться более отвечающим нашим интересам стремиться к созданию автономного Курдистана из всех областей, населенных курдами и входящих ныне в состав как Турции, так и Персии; а равным образом ради чего предрешать вопрос о том, следует или не следует принести сердца в жертву персидскому правительству, когда содействии его, как видно из записки самого г. Минорского, ввиду стратегического и военного значения Маку могло бы быть для нас очень ценным, а за готовность и искренность его содействия ручательством близкое родство сердца с нашими Эриванскими и Нахичеванскими ханами?» (с. 117–118). Таким образом, он призывает отказаться от идеи заведомой предрешенности тех или иных вопросов, их детерминированности существующим status quo, поскольку политические интересы могут побудить пересмотреть существующий порядок вещей исходя из прагматических интересов. А верно сформулировать последние позволят именно приведенные в систему знания о регионе.

¹⁸ Минорский В. Ф. Курды. Заметки и впечатления. Петроград, 1915. С. 39–43.

И сам Минорский в вышеупомянутой работе 1915 г. дает более широкое видение вопроса: «Есть, наконец, и третий взгляд на значение курдов. Расселены они полосой, окаймляющей северную Месопотамию. Несомненно, экономическое развитие и политическое значение этой последней как арены многих влияний: тут будет и Багдадская дорога, в чьих бы руках она ни оказалась, и европейская торговая конкуренция, и турецкие традиции, и возможный арабский сепаратизм, и, наконец, наше мирное проникновение с севера. При стремлении закрепить все эти влияния курдский вопрос встанет во всей широте. Но курды не только стена между севером и югом; они сами тянутся далеко на восток в пределы Персии и через все армянское плоскогорье вплоть до нынешних наших пределов. Хорошо дренировать все эти разливы и ввести все 3 миллиона курдов в законные рамки спокойного существования — вот одна из крупнейших проблем будущей политики в Передней Азии»¹⁹.

Приведенные примеры из области политической этнографии (как и иные вопросы) приводили консула к заключению, что российские политические и экономические интересы требуют расширения деятельности в странах Ближнего и Среднего Востока, ее активизации. *Conditio sine qua non* для этого — получение максимальной осведомленности о всех условиях жизни региона, «что в свою очередь требует, чтобы изучение консульствами своих округов стояло для них не на втором, а на первом плане, и велось систематически» (с. 93). При этом в работе подчеркивается, что загруженность консульств текущей работой не позволяет им уделять должное внимание изучению вверенных округов. Отметив неудовлетворительный характер текущего состояния дел в этой области (Иванов дает обзор ситуации по различным консульствам в Персии), консул выделяет причины этого положения вещей. Они таковы: «1) недоверие к сведениям, получаемым через агентов и опросным путем; 2) отсутствие торгово-политической программы, которая направляла бы и объединяла деятельность консульств; 3) неимение ни в посольстве и миссии, ни в министерстве особого стола, на обязанности коего лежала бы исключительно сводка и проверка доставляемых консульствами сведений; 4) особого издания, где таковые помещались бы, и 5) неотпуск консульствам особых средств на сбор нужных сведений, объезд чинами консульств округов и учреждение нужного количества агентов» (с. 96).

Далее Иванов подробно разбирает перечисленные пункты и предлагает собственное видение возможных путей разрешения перечисленных проблем. К примеру, он отмечает, что издание сборника секретных донесений консулов по образцу того, что уже имеется для несекретных или изданий штабов, содействовало бы связности работы консульств и объединению их деятельности, заменив на первое время упомянутую торгово-политическую программу и послужив основой для ее выработки. Той же задаче послужило бы учреждение в министерстве особого стола, на который была бы возложена обязанность делать сводку донесений и проверять их как одно другим, так и требованием от консулов дополнительных сведений. Это дало бы министерству критерий для оценки достоверности и пригодности предоставляемых консульствами сведений и деятельности самих консульств (с. 102). На важность создания подобной структуры (при этом ссылаясь на «Записку» Иванова) указывал и автор предисловия к второму выпуску «Материалов» (судя по всему, Минорский). Как писал последний, в МИД «необходимо устройство своего рода генерального штаба или вернее “разведывательного и отчетного отделений”». По словам автора предисловия, на тот момент донесения консулов, не считая редких исключений, сдавались в архив, не подвергаясь дальнейшей обработке. С его точки зрения, нужно было обратить внимание на опыт военных, а также британских коллег: «Ничего подобного сводке, производимой за определенные сроки в каждом из военных штабов, у нас не имеется, а между тем такая работа (хотя бы в виде зачета для дипломатического экзамена) была бы весьма полезна для лиц, начинающих службу». При том что «в английском Foreign Office составление всяких справок и записок возложено на архивно-библиотечный отдел с значительным персоналом»²⁰.

¹⁹ Минорский В. Ф. Курды. С. 41.

²⁰ Материалы по изучению Востока. Вып. 2. Петроград, 1915. С. VIII.

Высказанные идеи определенным образом предвосхищали возникновение отдела со схожим функционалом уже в Форин Офис (Управление политической разведки, возникшее в 1918 г.)²¹. Автором предисловия предлагалось назначить особого редактора для издания сборников сводок и общих политических донесений консулов. Он должен был заниматься внешней подготовкой материалов к печати, тогда как отбор материалов, редакция по существу и прочее осуществлялись бы особой комиссией, состоящей из лиц, по роду деятельности знакомых с вопросом: чинов политических отделов, заграничных агентов, находящихся в Петрограде, персонала Учебного отделения и т.д.

Иванов не оставляет вниманием вопросы сбора сведений через агентов, обеспечения их точности и полноты, способы проверки предоставляемой информации, подчеркивает необходимость обеспечения консульств постоянными агентами, разбирает финансовые вопросы, вопросы кадрового наполнения консульств и т.п. Подводя итог своей программе изменений, Иванов резюмирует: «Развитие сети агентов, близкое знакомство самих чинов консульств с округами их ведения, издание сборника секретных донесений и учреждение стола, где бы все секретные сведения и донесения процеживались и сводились в одно целое, должны дать нашему правительству настолько полную осведомленность относительно рассматриваемых стран, что она вполне окупит крупный расход в лишних сто тысяч, позволив нам выгоднее распределять наши военные силы по границе, заблаговременно принимать меры при надвигающихся событиях и вообще целесообразнее направлять наши усилия и затраты при проведении той или иной политики в этих странах, а вместе с тем и воспользоваться, когда придет нужда, их силами в своих интересах» (с. 112). Наконец, для полного успеха деятельности на Востоке (как и для дела его изучения), по мысли Иванова, необходимо наряду с консульствами должным образом задействовать и другие структуры, являющиеся проводниками российской политики, и согласовать их деятельность друг с другом и с консульствами. Речь идет о пограничных властях, отделениях Учетно-ссудного банка, чинах телеграфного ведомства, инструкторах (с. 112).

Нельзя не упомянуть еще об одном важном аспекте рассуждений консула Иванова (и далеко не его одного) — об институционализации и систематизации накопления, осмысления и использования «знания о Востоке» в политической практике, «использования местных условий», в терминологии консула. Речь идет о восприятии британского опыта. Необходимо отметить, что британские подходы в использовании колониального знания выступали определенным образцом, эталоном, а сами англичане виделись в качестве референтной группы, чьи подходы и опыт следовало перенимать для обеспечения эффективности собственных усилий. Иванов, рассуждая о характере политики англичан на Востоке, отмечает, что их деятельность на юго-востоке и юге Персии, по всему побережью Персидского залива является прекрасным примером умения пользоваться местными условиями:

«Ковейт, Кышм, Белуджистан и Сеистан (sic. — А.Л.) — все это в сущности приобретения англичан, если не формально, то фактически завершенные и к тому же вполне бескровные, ибо, несмотря на все свое могущество, свое ни с кем не разделяемое господство в водах Персидского залива, англичане в своей деятельности не пренебрегают буквально ничем: ни расположением какого-либо белуджского хана или арабского шейха, ни услугами подкупного персидского или турецкого чиновника, памятуя, что в годину тяжелых для отечества испытаний все это может послужить к сбережению отечественных сил. Приобретения эти формально не завершены, но в этом нет и надобности — формальное занятие могло бы вызвать протесты других держав и даже служить обузой; вполне достаточно держать эти места “под ударом”, иметь возможность поспеть туда раньше других и повод вмешаться, как только того потребуют обстоятельства» (с. 79). За счет чего же англичанам удается столь эффективно «пользоваться местными условиями»? Ответ консула на данный вопрос в полной мере согласуется с прочими его рассуждениями на этот счет, а именно с

²¹ Улунян Ар.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020. С. 38.

акцентом на необходимости сбора и систематизации знаний самого различного толка о регионе будущей деятельности, что дает возможность проводить целесообразную политику:

«Но, прежде чем действовать, англичане тщательно изучают район своих будущих действий во всех отношениях — в физическом, экономическом, военном и политическом, разумея под последним не только отношения частей населения и их ханов, беков, шейхов как между собою, так и к правительству, но и их взаимные счета и поземельные споры и притязания, что и дает им в руки материал для такой политики, которая, будучи свободна от увлечений и не навлекая на англичан прямых обвинений в захватах, в то же время настолько активна, что обеспечивает им все, что нужно» (с. 79).

Рецепция опыта иных европейских империй, в первую очередь Великобритании, интересовала российских гражданских чиновников и военных прежде всего в практическом ключе, в контексте тех конкретных мер, что могли быть восприняты и имплементированы. Выше приводился пример обращения автора редакционного предисловия второго выпуска «Материалов» к британскому опыту в деле издания собранных сведений. Специальное внимание обращалось на особо удачные находки соперника по Большой игре. Коль скоро речь идет о сборе сведений, об агентурной работе, заинтересованные лица в России не могли не обратить внимание на положение дел в этой области. В качестве важного достижения в смысле обеспечения поиска информации на местах многие отмечали деятельность служащих Индо-Европейского телеграфа. Тот же Иванов с сожалением отмечает, что, хотя у англичан и меньший масштаб задач в Персии, они «располагают гораздо более многочисленной агентурой, в числе каковой надо считать, между прочим, всех служащих англо-персидского банка и в особенности англо-индийского телеграфа, пересекающего теперь всю Персию вдоль и поперек; проводя всю свою службу в Персии, часто на одном и том же посту, английские телеграфисты сживаются с местным населением, приобретают среди него массу друзей, благодаря чему всегда о всем осведомлены, и потому являются незаменимыми, как это отметил и Керзон, агентами своего правительства» (с. 109).

Для сравнения стоит привести соображения представителя российских военных полковника Ф.Г. Чернозубова, служившего командиром Персидской казачьей бригады в 1903–1906 гг., также отметившего те преимущества, что предоставлял телеграф британцам, в том числе в смысле работы с местным населением: «Чиновники английских телеграфов играют громадную роль в провинции, так как о всех событиях дня сообщают своему посланнику в Тегеран. Зная об этом, персидские власти перед ними заискивают, а население часто ищет защиты. Таким образом, благодаря чиновникам английское посольство находится в курсе всего, что делается в Персии и одновременно поддерживает и свой престиж в стране». И хотя российские телеграфисты также присутствовали во многих пунктах в Иране, по словам Чернозубова, «в работе наших телеграфистов не замечается единства и системы, да и подбор их в большинстве заставляет желать лучшего»²². Последнее очевидно вызывает сожаления офицера.

Известный военный теоретик генерал М.В. Грулев также уделяет специальное внимание британскому телеграфу в Персии. Отмечая его преимущества, значение для укрепления влияния Англии, он среди прочего говорит и о роли телеграфа в агентурной работе: «Кроме того, вдоль телеграфа устроены в центре и на юге Персии превосходные станции, представляющие собою обширные и комфортабельные здания, что дает возможность англичанам содержать внутри Персии своих агентов под видом телеграфистов, телеграфных механиков и инспекторов. Часть служащих на этом телеграфе — офицеры англо-индийской армии»²³. Схожим образом характеризовали роль и значение телеграфа и ранние советские авторы²⁴.

Как видно, оценки значения и роли британского телеграфа для развития агентурной работы у консула Иванова и представителей военной сферы практически совпадают.

²² Чернозубов Ф. Страна льва и солнца // Военный сборник. 1908. № 10, Октябрь. СПб., 1908. С. 203.

²³ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909. С. 250.

²⁴ См., например: Тимофеев А. Империалистическое “мирное” завоевание Персии // Новый Восток. Кн. 2. М., 1922. С. 261–262.

Впрочем, это и неудивительно: успех британцев в создании телеграфной сети на Среднем Востоке и ее использования в различных целях был слишком очевидным. Упомянутый Ивановым Дж.Н. Керзон в своей классической работе «Персия и персидский вопрос» с законной гордостью описывает телеграфную сеть в регионе, уделяя особенное внимание роли в цивилизации/европеизации Персии, упрочении власти шаха и, конечно, в укреплении британского престижа в стране²⁵.

В целом подходы британцев к агентурной работе, сбору сведений консульствами воспринимались как образцовые. Иванов, вспоминая свою службу в Персии в 1897–1898 гг., отмечает, что в английском генеральном консульстве в Мешхеде, «помимо генерального консула, вице-консула и доктора, было до шести или семи мирз и писарей, всегда занятых в канцелярии, хотя во всем Хорасане не проживало ни одного английского подданного» (с. 110). Соответственно, России, чьи интересы на Ближнем и Среднем Востоке были значительнее, следует также иметь большую и лучше организованную сеть агентов. Причем, по мнению Иванова, она обладает для этого и большими возможностями, «ибо среди населения своих южных окраин, однородного по своей национальности и религии с населением Ближнего Востока, она легко могла бы найти искренно преданных ей людей», кроме того, «благодаря своей сухопутной близости к странам Ближнего Востока, Россия, более чем какая-либо другая держава, служит предметом надежд всего недовольного, угнетенного элемента, коего порядками управления этих стран создается так много» (с. 110). Отмечая необходимость лучшей подготовки, специального образования для разнообразных представителей России в регионе, Иванов снова ссылается на британский опыт: «В этом отношении англичане опять-таки могут служить примером, ибо, насколько мне известно от самих англичан, у них для каждого чиновника, изъявившего желание служить на Востоке или в Индии, обязателен особый экзамен, сдаваемый, если не ошибаюсь, при министерстве иностранных дел» (с. 116).

Более того, ревность в адрес англичан и их подходов могла приводить к тому, что уже всякий британец в регионе воспринимался как потенциальный агент. Иванов, со ссылкой на развитую политическую культуру англичан, утверждает, что «каждый англичанин, проживающий в Персии постоянно или только проезжающий ее, и без всякой программы, инструкции и побуждений является добροхотным ревнителем интересов своего правительства, последнее же, в свою очередь, чуждаясь всяких предрассудков, не задумывается верить им свои интересы». Показательно, что Керзон в своих рассуждениях о британском телеграфе в Персии и его значении, в противоположность мнению своих русских коллег, сокрушался, что британское правительство использует влияние и знания служащих телеграфа далеко не в полной мере. «Будь они русскими, каждый из них был бы неаккредитованным, но трудолюбивым агентом страны своего рождения»²⁶. Десятилетия недоверия и подозрительности Большой игры привели к тому, что обе стороны были склонны преувеличивать возможности оппонента, преуменьшая свои собственные. Впрочем, эти выглядящие курьезными взаимные опасения позапрошлой эпохи в свете нынешних событий выглядят уже не столь анахронично.

Однако дело не сводилось лишь к сетованиям по отношению к успехам британцев в использовании телеграфной сети для решения своих политических задач. Вышеприведенные соображения гражданских и военных чиновников в отношении необходимости более эффективного использования телеграфа в Персии, создания единой телеграфной сети и использования ее для обеспечения согласованности действий агентов российской политики учитывались властями. В условиях начала Первой мировой войны развитие и совершенствование российского телеграфа в Персии стало особенно актуальной политической и военно-стратегической задачей.

В 1915–1916 гг. российская администрация рассмотрела серьезную программу по обустройству телеграфа в этой стране²⁷. Из центра запрашивались отчеты о состоянии российского телеграфного дела в Персии, для лучшего осведомления о состоянии имевшейся

²⁵ Curzon G.N. Persia and the Persian Question: in 2 vols. Vol. 2. London, 1892. P. 612–616.

²⁶ Ibid. P. 616.

²⁷ Павлова И.К. Российские телеграфные линии в Персии в начале XX в. // КЛИО. 2011. № 4 (55). С. 124.

телеграфной связи в страну был направлен главный механик туркестанского почтового округа Горшков. Собранные последним данные легли в основу серии особых совещаний в Петрограде, проходивших во второй половине 1916 – начале 1917 г. В ходе прошедших обсуждений была выработана будущая структура российских телеграфных линий в Персии, которая, «начиная с 1917 г., подразумевала иметь три согласованных учреждения: центральное, располагавшееся в Тегеране, тифлисское, контролирующее работу телеграфа в западных округах Персии, и туркестанское, наблюдавшее за станциями на востоке этой страны». Отметим, что председателем данных совещаний был советник Третьего отделения МИД Д.Д. Франц. Однако при этом в условиях идущей войны приоритетной задачей работы телеграфных линий было обслуживание войсковых частей²⁸. В начале 1916 г. в Персию для проверки российских телеграфных линий были направлены инженеры и специалисты Главного управления почт и телеграфов. Проверяющие составили отчеты по результатам поездки и сформулировали различные предложения, направленные на усовершенствование российской телеграфной службы в Персии. Среди последних хотелось бы особо отметить следующие. Во-первых, «в целях объединения деятельности всех русских чинов в Персии и установления за службой телеграфа необходимого контроля» предполагалось учредить в Тегеране главное управление с должностью инспектора (начальника) телеграфов «с назначением на нее лица с большим административным и техническим опытом». Во-вторых, в составленной проверяющими чиновниками инструкции для русских телеграфистов был весьма важный пункт, «обязывающий служивых людей находиться в непосредственно служебном подчинении местным российским консулам». Выдвигались серьезные требования к чиновникам, работающим в управлении русскими телеграфами в Тегеране. Помимо высоких профессиональных качеств, они должны были иметь «умственный кругозор, воспитание, административный такт». По результатам инспекции были приняты административные решения. В частности, на Особом межведомственном совещании в Петрограде 3 февраля 1917 г. было учреждено Главное управление почт и телеграфа в Тегеране. Более того, назначались ответственные от ведущих министерств России для наблюдения за работой российского телеграфа в Персии²⁹.

Как видно, и в предложениях инспекторов, и в принятых по итогам их поездки решениях властей прослеживаются именно те идеи, что озвучивались консулом Ивановым в «Записке», опубликованной в 1909 г., прежде всего необходимость согласования деятельности различных российских учреждений в Персии. Важно отметить, что в принимаемых решениях по телеграфу видно стремление обеспечить и единство сети и сбора сведений, и тесную связь с решением актуальных (в данном случае военных) задач, и ключевую роль консулов (как и МИД в целом) в обеспечении связности системы и управлении ею, на чем и настаивал в своей работе Иванов. Для решения этих же задач предполагалось подбирать квалифицированные кадры на соответствующие должности телеграфной службы. Все это в целом должно было превратить телеграфную сеть в Персии в важный элемент проведения политики и обеспечения интересов России в этой стране.

Приведенный пример с инициированными во время войны преобразованиями российской телеграфной службы в Иране в соответствии с высказанными значительно ранее консулом Ивановым соображениями – весьма показательный, но не единственный. Хотя сложно говорить о прямом влиянии «Записки» на соответствующие решения имперских властей, многие идеи носились в воздухе, и требования времени вызвали необходимость в преобразованиях и совершенствовании различных аспектов российской политики в регионе. И тем не менее заслуга Иванова состоит в артикуляции и формулировании стоявших на повестке вопросов и предложений, причем его соображения были опубликованы в издании, знакомом вовлеченной публике, что делает их еще более ценным памятником рефлексии имперских администраторов над актуальными задачами. Многие из предлагаемых консулом Ивановым преобразований и улучшений не были реализованы, поскольку

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 126.

Российская империя прекратила существование. Открытым остается и вопрос о влиянии соответствующих идей на политику и решения уже советского государства, хотя определенные феномены истории последующих десятилетий (такие как Мехабадская республика) невольно вызывают в памяти политико-этнографические соображения консула в Басре.

Библиография

- Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018.
- Генис В. Вице-консул Введенский: служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М., 2003.
- Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909.
- Дыбовский А.С. Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920) и практическое востоковедение в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 4/2. С. 83–105.
- Западные окраины Российской империи. М., 2006.
- Иванов К.В. Записка по вопросу об организации изучения Ближнего Востока (по поводу отчета В.Ф. Минорского о поездке в Макинское ханство) // Материалы по изучению Востока. Вып. 1. СПб., 1909. С. 63–118.
- История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / ред. кол.: А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шаститко. М., 1997.
- Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / сост. И.С. Рыбаченок. М., 2004.
- Кушко А., Таки В. (при участии Грома О.) Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., 2012.
- Ларин А.Б. «В интересах наших подданных и нашего достоинства»: поддержание статуса «русского имени» в Персии в трактовках российских современников (1830–1910-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021876-2-1/> (дата обращения: 27.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840021876-2
- Ларин А.Б. «Русское имя» и «русский престиж» как категории восприятия и осмысления российской политики в Иране в XIX – начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021056-0-1/> (дата обращения: 27.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840021056-0
- Материалы по изучению Востока. Вып. 1. СПб., 1909.
- Материалы по изучению Востока. Вып. 2. Петроград, 1915.
- Минорский В.Ф. Курды. Заметки и впечатления. Петроград, 1915.
- Мирзаханов В.С. Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Специальный выпуск. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (дата обращения: 27.03.2023).
- Мирзаханов В.С. XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19.
- Павлова И.К. Российские телеграфные линии в Персии в начале XX в. // КЛИО. 2011. № 4 (55). С. 123–127.
- Полянская О.Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А.М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Ученые записки ЗабГУ. 2016. Т. 11. № 6. С. 143–148.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1882–1914.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.
- Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.
- Тимофеев А. Империалистическое «мирное» завоевание Персии // Новый Восток. Кн. 2. М., 1922. С. 254–271.
- Толыц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М., 2013.
- Улунян Ар.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020.
- Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.
- Чернозубов Ф. Страна льва и солнца // Военный сборник. 1908. № 10, Октябрь. СПб., 1908.
- Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / ред. М. Ауст, Р. Вульпинус, А. Миллер. М., 2010.
- Curzon G.N. Persia and the Persian Question: in 2 vols. Vol. 2. London, 1892.
- Said E.W. Orientalism. New York, 1978.

References

- Baskhanov M.K. Istoriya izucheniya vostochnykh yazykov v russkoi imperatorskoi armii [History of the study of Oriental languages in the Imperial Russian Army]. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)
- Chernozubov F. Strana l'va i solntsa [The land of the lion and the Sun] // Voennyi sbornik [Military collection]. 1908. № 10, Otktyabr'. Sankt-Peterburg, 1908. (In Russ.)

Dybovskii A.S. Aleksei Matveevich Pozdneev (1851–1920) i prakticheskoe vostokovedenie v Rossii [Aleksei Matveevich Pozdneev (1851–1920) and Practical Oriental Studies in Russia] // *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2018. T. 10. № 4/2. S. 83–105. (In Russ.)

Genis V. Vitse-konsul Vvedenskii: sluzhba v Persii i Bukharskom khanstve (1906–1920 gg.). Rossiiskaya diplomatiya v sud'bakh [Vice-Consul Vvedensky: Service in Persia and the Bukhara Khanate (1906–1920). Russian diplomacy in personal destinies]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Grulev M. Sopernichestvo Rossii i Anglii v Srednei Azii [The rivalry between Russia and England in Central Asia]. Sankt-Peterburg, 1909. (In Russ.)

Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917) [Imperium inter pares: the role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)] / red. M. Aust, P. Vul'pius, A. Miller. Moskva, 2010. (In Russ.)

Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s sereдины XIX veka do 1917 goda [The history of Russian Oriental studies from the middle of the 19th century to 1917] / red. kol.: A.A. Vigin, A.N. Khokhlov, P.M. Shastitko. Moskva, 1997. (In Russ.)

Korennyye interesy Rossii glazami ee gosudarstvennykh deyatelei, diplomatov, voennykh i publitsistov. Dokumental'naya publikatsiya [The fundamental interests of Russia through the eyes of its statesmen, diplomats, military and publicists. Documentary publication] / sost. I.S. Rybachenok. Moskva, 2004. (In Russ.)

Kushko A., Taki V. (pri uchastii Groma O.) Bessarabiya v sostave Rossiiskoi imperii (1812–1917) [Bessarabia as part of the Russian Empire (1812–1917)]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Larin A.B. “Russkoe imya” i “russkii prestizh” kak kategorii vospriyatiya i osmysleniya rossiiskoi politiki v Irane v XIX – nachale XX vv. [“Russian name” and “Russian prestige” as categories of perception and comprehension of Russian policy in Iran in the 19th – Early 20th Centuries] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2022. T. 13. Vyp. 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021056-0-1/> (access date: 27.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840021056-0 (In Russ.)

Larin A.B. “V interesakh nashikh poddannyykh i nashego dostoinstva”: podderzhanie statusa “russkogo imeni” v Persii v traktovkakh rossiiskikh sovremennikov (1830–1910-e gg.) [“In the interests of our subjects and our dignity”: maintaining the status of a “Russian name” in Persia in the interpretations of Russian contemporaries (1830s–1910s)] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2022. T. 13. Vyp. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021876-2-1/> (access date: 27.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840021876-2 (In Russ.)

Materialy po izucheniyu Vostoka [Materials for the studies of the East]. Vyp. 1. Sankt-Peterburg, 1909. (In Russ.)

Materialy po izucheniyu Vostoka [Materials for the studies of the East]. Vyp. 2. Petrograd, 1915. (In Russ.)

Minorskii V.F. Kurdy. Zametki i vpechatleniya [Kurds. Notes and impressions]. Petrograd, 1915. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Fenomen kolonializma v mirovoi istorii: temy i tendentsii noveishei istoriografii [The Phenomenon of Colonialism in World History: Themes and Trends in Recent Historiography] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2023. T. 14. Spetsial'nyi vypusk. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (access date: 27.03.2023). (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. XIX vek v mirovoi istorii (k vykhodu V toma “Vsemirnoi istorii”) [The 19th century in the world history (on the occasion of the publication of the 5th volume of “World History”)] // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2015. № 4. S. 3–19. (In Russ.)

Pavlova I.K. Rossiiskie telegrafnye linii v Persii v nachale XX v. [Russian telegraph lines in Persia at the beginning of the 20th century] // *KLIO*. № 4 (55). 2011. S. 123–127. (In Russ.)

Polyanskaya O.N. Vostokovednoe obrazovanie Rossii v nachale XX v.: deyatel'nost' A. M. Pozdneeva po podgotovke mongolovedov-praktikov [Oriental studies' education in Russia at the beginning of the 20th century: the activities of A.M. Pozdneev on the training of Mongolists-practitioners] // *Uchenye zapiski ZabGU* [Scientific notes of Zabggu]. 2016. T. 11. № 6. S. 143–148. (In Russ.)

Said E.V. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western Conceptions of the Orient]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii [Collection of Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia]. Sankt-Peterburg, 1882–1914. (In Russ.)

Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii [The North Caucasus as part of the Russian Empire]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Timofeev A. Imperialisticheskoe “mirmoe” zavoevanie Persii [Imperialist “peaceful” conquest of Persia] // *Novyi Vostok* [New East]. Kn. 2. Moskva, 1922. S. 254–271. (In Russ.)

Tol'ts V. “Sobstvennyi Vostok Rossii”: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period [“Russia's own East”: identity politics and Oriental studies in the late Imperial and early Soviet period]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Tsentrāl'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii [Central Asia as part of the Russian Empire]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Ulunyan Ar.A. Turkestanskii platsdarm. 1917–1922. Britanskoe razvedyvatel'noe soobshchestvo i britanskoe pravitel'stvo [Turkistan bridgehead. 1917–1922. British Intelligence Community and British Government]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii [The Western outskirts of the Russian Empire]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Curzon G.N. Persia and the Persian Question: in 2 vols. Vol. 2. London, 1892.

Said E.W. Orientalism. New York, 1978.